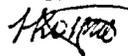

47

На правах рукописи

КОТОВА Наталья Александровна

СОВРЕМЕННАЯ ДУХОВНАЯ ПОЭЗИЯ

Специальность 10.01.01 — русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

003452968

Москва

2008

Работа выполнена на кафедре русской литературы XX века
Московского городского педагогического университета

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Леонид Павлович Кременцов

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Ольга Ефимовна Воронова

кандидат филологических наук, доцент
Сергей Анатольевич Щербаков

Ведущая организация: Саратовский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского

Защита диссертации состоится «4» декабря 2008 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 212.155.01 по литературоведению в Московском государственном областном университете по адресу: 105005, г. Москва, ул. Ф. Энгельса, д. 21а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Московского государственного областного университета по адресу: 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а.

Автореферат разослан «29» октября 2008 г.

Учёный секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

 — Т.К. Батурова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Обращение к духовной области бытия в последней трети XX в. наблюдалось на разных уровнях культуры (литература, живопись, скульптура, музыка). Этот феномен свойствен литературе «второй культуры», противостоявшей культуре официальной не только авангардной прозой или поэзией: как замечает С. Стратановский, «во “второй культуре”, особенно в 70-е гг., были сильны религиозные христианские тенденции, чуждые авангардизму»¹. Именно с 1970-х гг. можно говорить о возрождении духовного течения в современной русской поэзии.

Изучение поэтики духовной лирики носит фрагментарный характер, хотя отдельные аспекты и рассмотрены литературоведами подробно². Актуальность диссертационной работы определяет необходимость углублённого изучения и научного освоения духовного течения современной лирики в рамках литературного процесса 1970-1990-х гг., выявления общих поэтических особенностей данного течения, его концептуальных слагаемых и перспектив в современном обществе.

Основная цель исследования – выявить особенности духовной лирики и выделить её как самостоятельное течение в современной поэзии, для чего оно включается в контекст развития русской литературы. Это позволит воспринять духовную лирику как важную составляющую современного литературного процесса. Поставленная цель обуславливает основные **задачи исследования**, которые состоят в следующем:

1. Обнаружить в современной духовной поэзии элементы традиций святоотеческого предания, народной духовной и классической поэзии.
2. Рассмотреть сквозные, наиболее репрезентативные темы духовной поэзии.
3. Прояснить соотношение «духовности» и литературы, дать дефиницию понятию «духовная поэзия».
4. Определить своеобразие проблемы творчества и образа поэта в духовной лирике.
5. Проанализировать образ лирического героя в ней.
6. Определить место духовной поэзии в литературном процессе 1970-1990-х гг.

¹ Стратановский С. Религиозные мотивы в современной русской поэзии: Статья 3 // Волга. – 1993. – № 6. – С. 145

² Выделяются следующие работы: Стратановский С. «Религиозные мотивы в современной русской поэзии» // Волга. – 1993. – №4, 5, 6, 8; Архангельский А. «Огонь бо есть. Словесность и церковность: литературный сопромат» // Новый мир. – 1994. – №2; Лебедушкина О. «Часть пространства, которая занята Богом...» // Дружба народов. – 2002. – №5; Померанц Г. «Духовное кружение и духовная встреча» // Духовная встреча. – М., 1997; Редькин В. «Поиски веры в современной русской поэзии: По страницам периодической печати конца 1980-1990-х годов» // Mass-Media. Действительность. Литература. – Тверь, 1998. – Вып. 1

Материалом исследования являются сборники стихотворений поэтов 1970-1990-х гг.: С. Аверинцева, Ю. Кублановского, З. Миркиной, О. Николаевой, иеромонаха Романа, О. Седаковой, Вениамина Блаженного. Помимо книг этих поэтов привлекаются стихотворения, созвучные данной тематике или написанные в более ранний период: А. Солодовникова, С. Стратановского, В. Щадрина, Л. Миллер. Важными для углублённого понимания поэтики духовной лирики являются собственные суждения поэтов, для чего в работу включены фрагменты их интервью или публицистических работ.

Методологической основой работы является целостный подход, предполагающий изучение поэтики духовной лирики как сложного явления, в котором важны и литературоведческие категории, и внепоэтические реалии. Кроме того, используется сравнительно-исторический метод, благодаря которому отражается взаимосвязь рассматриваемого течения с современным литературным процессом и традициями русской классики.

Научная новизна диссертации заключается в том, что духовная поэзия рассматривается как единое течение в лирике последней трети XX в., включается в широкий историко-литературный контекст, анализируется в сопоставлении с традициями русской классической и святоотеческой литературы, что позволяет выявить эволюционные и новаторские черты, определить основные тенденции развития духовной поэзии на современном этапе.

Научно-практическая ценность исследования заключается в разработке путей и приёмов анализа современной духовной поэзии и в том, что данный материал может быть использован для дальнейшего углублённого исследования духовного течения современной поэзии.

Положения, выносимые на защиту. Внутренне обусловленное целостное единство духовной поэзии прослеживается на следующих уровнях:

- широкий спектр тем, отражаясь в творчестве разных поэтов, формирует тематическую устремлённость духовной поэзии к философским и метафизическим вопросам и, соответственно, влияет на её этическую основу, сочетающую в себе каноничность и свободный поиск;
- с тематическим своеобразием и этической позицией тесно связаны образы лирического героя: «я» в себе, «я» во внешнем мире, юродивый;

- категории пространства и времени влияют на тип передвижения героя в пространстве (странничество, путешествие, паломничество);
- в современной духовной поэзии наблюдается рецепция как сакральной литературы (текстов Священного Писания, богослужебных, псалмодических и литургических текстов), так и классической русской и европейской лирики. В творчестве некоторых поэтов (З. Миркина) заметны тенденции к синтезу поэтического слова и музыки.

Апробация. Основные положения диссертации изложены в 9 публикациях и апробировались на конференциях: Международной научной конференции «Пушкинские чтения – 2005» (СПб., 2005), научно-практической конференции «Святоотеческие традиции в русской литературе» в ОмГУ (Омск, 2005), межвузовской научно-методической конференции «*Война, мир, победа* в литературе, культуре и языке» в МГПУ (2005), международных научных конференциях «Классические и неклассические модели мира в отечественной и зарубежной литературах» (2006) и «Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов» (2007) в ВолГУ (Волгоград, 2006, 2007), международных научно-практических конференциях «IX (2005) и X (2007) Виноградовские чтения» в МГПУ, VII Международной научной конференции «Духовные начала русского искусства и образования (Никитские чтения)» в НовГУ (Великий Новгород, 2007). Кроме того, одна статья напечатана в издании, рекомендованном ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** ставится вопрос о времени и причинах возрождения духовной поэзии, критериях, по которым происходит номинация того или иного поэта как духовного. Выделяются два этапа в современной духовной поэзии: 1970-1980-е гг., 1990-е гг. Обосновывается понятие духовной поэзии, правомерность выделения её как течения в литературном процессе последней трети XX века. Так, особенность духовной лирики как таковой в предельном теоцентризме, являющемся краеугольным камнем всего здания духовной поэзии, которая творится изнутри этого сознания. Сделан вывод, что поэзия может избегать религиозной маркированности,

сюжетов или образов и оставаться духовной. Рассматривается история духовной поэзии, истоки «духовного» литературоведения и особенности его методологии. Поднимается вопрос о самостоятельности и художественной ценности духовного течения, особенностях духовной поэзии на современном этапе. В диссертации подробно рассматривается духовная поэзия 1970-1990-х гг., анализируется творчество авторов, которые начали писать в тот период и продолжают создавать лирические произведения (большинство из них) до настоящего момента. Вопросы духовных мотивов в поэзии XX в., развитие духовной поэзии на протяжении столетий затрагиваются в работе там, где это необходимо по логике исследования. Таким образом, в работе намечаются пути анализа современной духовной поэзии. Обосновывается актуальность темы диссертации, определяются цель и задачи исследования, методы их разрешения, раскрывается научная новизна и научно-практическая ценность работы.

Первая глава диссертации «Рецепция сакрального и классического искусства в современной духовной поэзии» состоит из двух параграфов. *Первый параграф «Современная духовная поэзия и Священное Писание»* посвящён анализу духовной поэзии в свете сакральной традиции, выявлению характера влияния на неё священных текстов. Мирозренческая основа современной духовной поэзии – Священное Писание, церковное предание, святоотеческая мысль. В стихах присутствуют цитаты, реминисценции, аллюзии, прямые заимствования, отсылки к событиям Священной истории. Сакральные образы и сюжеты проникают в поэзию через обращение к текстам Нового и Ветхого Заветов (особенно Псалтири), апостольским посланиям; литургической и богослужебной традиции; творениям святых отцов церкви.

Современная поэзия редко обращается непосредственно к переложению евангельских событий. Из всего корпуса библейских текстов поэты избирают этические, в которых проявляются сложность и психологизм человеческих поступков и решений. Евангельская соотнесённость принципиальна для лирики о. Романа, О. Николаевой, С. Аверинцева, О. Седаковой, Ю. Кублановского, А. Солодовникова. Николаева неоднократно обращается к евангельским притчам (образ нерадивого раба, мудрой и неразумной дев, образ богатого юноши, притча о хозяине виноградника). Образ земного возлюбленного в её стихах периодически «сливается» с евангель-

ским образом Возлюбленного, Жениха, грядущего в мир. В своих стихах о Романе не столько перевоплощается в евангельских персонажей, сколько ориентирует внутреннюю жизнь души на события Священной истории. Герой Аверинцева предстаёт то «женой, ятой в блудодеянии», то благоразумным разбойником, то апостолом Фомой. Евангельская образность – фундамент всего его творчества.

Ветхий Завет цитируется гораздо реже Нового, что проявляется не только в духовной поэзии, но и в истории духовных стихов, народного сознания. Современные поэты не прибегают к Ветхому Завету лишь для переложения или противопоставления прошлого и настоящего, что было традиционно для XVIII-XIX вв. Для них духовный опыт прошлого становится аксиологическим ориентиром. Так, в стихотворении «Исход» Николаевой роптание евреев на Бога и недовольство Моисеем, выведшим их из рабства и ведущим в страну обетованную, переносится в метафизическую область нежелания нового, которое требует переосмысления и отказа от привычного комфорта, поскольку страшна встреча в чистой стране со своим несовершенным «я»: «Лучше под крепкой мышцей жизнь раба на чужбине, / ибо не страшен тогда свой внутренний враг... / Это израильтян Моисей держит в пустыне / и десять, и двадцать лет, и тридцать восемь, и сорок»³.

На уровне аллюзий, скрытых отсылок, прямых заимствований духовная поэзия постоянно обращается к псалмам. Традиция переложения псалмов на поэтический язык в России – давняя, ведущая отсчёт от Симеона Полоцкого. Стоит отметить, что в конце XX в. предпринимались попытки комплексного перевода всего корпуса псалмов или его большей части. Так, в 1960-1970-х гг. появились псалмы Г. Сапгира, в начале 1990-х – поэтический перевод Н. Гребнева «Книга псалмов (Псалтирь)», в 2005 г. А. Перекрестова издала книгу «Псалмы (Стихотворное переложение)». С. Аверинцев не только перевёл корпус псалмов, но и сопроводил их подробным культурно-лингвистическим комментарием. В современной поэзии наиболее часто обращаются к псалмам О. Николаева, о. Роман, С. Аверинцев. Современные поэты избегают традиционного построчного переложения псалма. Заметна тенденция отхода от использования ветхозаветных стихов для выражения гражданской позиции, что было свойственно XVIII, XIX векам, когда в уста древнееврейских пророков или Христа часто вкладывалось содержание, актуальное для того исторического момента.

³ Николаева О. Здесь: Стихи и поэмы. – М., 1990. – С.65

Кроме Священного Писания духовные поэты обращаются и к церковной поэтике, литургической цитате. Жизнь героя духовной поэзии часто воспринимается как служение (С. Аверинцев, О. Николаева, о. Роман, Ю. Кублановский); при таком понимании богослужение продолжается не только во время службы в церкви, но и в жизни: «Но мне жаль, что грядут времена другие, / а меня всё не отслужили, как литургию, / как псалом, не спели, не прочли, как канон, с листа! – / говорит моя жизнь...»⁴. Евангельская, ветхозаветная образность, обращение к литургическим и богослужебным текстам влияют на стилистику стихов. Как и в случае с псалмами, богослужебные цитаты не просто сигнализируют о принадлежности к определённому вероисповеданию или социальному статусу, но являются сутью мировоззрения. Напрямую к литургической цитате примыкает и обращение к святоотеческому наследию, характерное для О. Николаевой, о. Романа. Поэты часто используют жанры и формы традиционной духовной словесности (молитвы, фрагменты акафистов, канонов).

Во втором параграфе «Связь современной духовной поэзии с классической и современной литературой и музыкой» анализируется духовная поэзия в свете рецепции классической литературы и музыки. В духовной поэзии улавливается связь с творчеством предшественников. Это не прямое наследование их творчеству, но продолжение диалога с ними в вопросах, затрагивающих современность. Такая соотносённость с предыдущей литературой проявляется или на стилевом уровне, или на тематическом, или в литературной игре, намеренном стирании авторитетов (что особенно свойственно Ю. Кублановскому).

В творчестве каждого поэта можно найти «ориентир» в истории литературы или искусства вообще. Так, для З. Миркиной музыкальную тему можно выделить как субдоминанту её лирики, где имена Моцарта, Баха, Бетховена по частоте упоминания «соперничают» с именем её любимого поэта Рильке. Вениамина Блаженного привлекают Гоголь, Кюлев, Пастернак, Цветаева, Марк Шагал. Для Кублановского истоком поэтических исканий является вся плеяда классиков: от Пушкина, Достоевского, Толстого до Блока (неслучайно он пишет цикл «Стихи о русских поэтах»). Интересы Николаевой в 1980-е гг. находились в области древнерусской и советской поэзии шестидесятников, поэтов 1970-х. О. Седакову привлекают кургузные

---

⁴ Николаева О. Здесь: Стихи и поэмы. – М., 1990. – С. 30

средневековые произведения, старинные европейские народные легенды, китайские сказания. Для С. Аверинцева значимы античность и вся иудео-христианская культура (древний Восток, классическое и современное европейское искусство). Обращение к творчеству предшественников размыкает духовную поэзию, не даёт ей застояться только в своей «узкой» тематике.

В диссертации прослеживается, как творческие ориентиры влияют на поэтику избранных лириков, как рецепция классической литературы (музыки) вводит современную поэзию в общий контекст развития литературы. Поднимается также вопрос о преемственности и делается вывод, что современная духовная поэзия вырастает на фундаменте литературной классики, а этической базой следует считать тексты Священного Писания, которые исконно были средоточием многовекового духовного опыта. Духовная поэзия не ограничивается какой-то одной «безопасной» темой, а погружается в жизнь, оценивая её взглядом человека, крепко стоящего на плечах предшественников. Бережное отношение к опыту прошлого в лирике духовных поэтов сохраняет текст от смысловой эрозии, недолговечности, вводит их творчество в единое русло русской (и мировой) литературы.

Вторая глава «Лирический герой в свете этики современной духовной поэзии» посвящена анализу этической устремлённости духовной поэзии и образа лирического «я». В первом параграфе второй главы «Религиозно-этические ориентиры современной духовной поэзии» говорится, что для современной духовной поэзии характерно различное отношение к Богу и Его понимание, что влияет на этические ориентиры поэтов, осмысление ими взаимодействия человека и Творца. По отношению к понятию «духа» логично выделить две группы: первую можно условно назвать поэзией «церковной ограды», вторую – поэзией «духовного поиска». Поэты, относящиеся к первой группе, так или иначе разделяют традиционный взгляд на духовность, отдавая внутреннее предпочтение православному христианству, историческим верованиям русского народа. По-разному сами эти поэты воспринимают и церковь, и догматы, но всё же исходят именно из них. К поэтам этой группы можно отнести С. Аверинцева, О. Николаеву, Ю. Кублановского, о. Романа, В. Мамонова, О. Охалкина, Е. Пудовкину, О. Седакову и др. Поэты «церковной ограды» следуют церковному преданию. Для них события прошлого проживаются снова в круговом ходе церковного календаря. Неслучайно в лирике поэтов этой

группы часто возникает образ храма, ограды, за которой сохраняется истинное отечество (Кублановский, о. Роман, Николаева): «Полуразрушенный церкви портал / днём над кладбищем в тумане витал, / преображался, и таял, и звал / на покаяние прямо сейчас. / Это село называется Спас...»⁵. Этика поэтов этой группы тесно связана с каноническим пониманием жизни, они передают в стихах размышления о грехе и стремление изменить свою душу. Герои переживают антиномию необходимости и свободы, совершения должного и ожидания последствий. Поэзия «церковной ограды» канонична в восприятии Бога. Она не стремится придумать что-то новое или неожиданно интерпретировать сакральное.

Поэты второй группы избирают мучительный путь индивидуальных исканий истинного смысла бытия. Их можно назвать, вслед за Г. Померанцем, поэтами «духовного кружения» или «духовной встречи». К этой группе можно отнести З. Миркину, Вениамина Блаженного, А. Солодовникова. Стихотворения поэтов «духовного кружения», как правило, сложно ограничить какой-то единой канонической конфессией (за исключением Солодовникова, который осознанно был православным). Они синтезируют элементы философских и мистических учений. Бытие Бога в стихах Миркиной – бытие Творца, продолжающегося в творении, и художника, пишущего вселенские полотна. Не только человек стремится дорасти до Бога, но и сам Бог прорастает в сердце человека. В мировоззрении Блаженного синтезируются иудаизм и христианство. Причём христианство Блаженного сродни народной вере переходных калек, слепцов: она на границе между ересью и каноном. В своём поэтическом мировоззрении он соединяет и разделяет две ипостаси Божества, Бога-Отца (Саваофа) и Бога-Сына (Христа), между которыми принципиально не ставит равенство. Образ Бога у Блаженного подвижен и так же незавершён, как и у Миркиной: образ Бога-Саваофа часто представляется в каком-то текучем видении, а вот образ Христа всегда означен сочувственно. Мир Блаженного детерминирован не только Божественным присутствием, но и демоническим; с последним герой ведёт непрекращающуюся борьбу. Этика Блаженного также направлена на стяжание Духа, попытки приблизиться к Богу. Герой способен ощутить бытие каждой вещи, отсюда и сопряжение антонимичных явлений в его творчестве.

Несмотря на различные религиозные и философские устремления, поэзию обеих групп объединяет теоцентризм: бытие в Боге – центр жизненных ориентиров и ис-

⁵ Кублановский Ю.М. Число: Стихотворения. – М., 1994. – С. 110

каний духовных поэтов. Символом, своего рода alter ego духовной поэзии становится сомневающийся Фома, умоляющий о помощи: «Я поверю до пролития крови, / но Ты утверди мою слабость; / блаженны, кто верует, не видев, / но меня Ты должен приготовить»⁶.

Второй параграф «Лирический герой современной духовной поэзии» посвящён анализу образов лирического героя. Смысловый центр духовной лирики – несовершенная душа человека. Наряду с конструктивным героем, отражающим и развенчивающим социум, что характерно для концептуализма, в поэзию «второй культуры» возвращается лирический герой классической литературы. Духовная поэзия противопоставляет обеим крайностям: и поэтике «общих мест», типологическому герою как таковому, и надкультурной универсальности. Для духовной литературы характерно традиционное понимание лирического героя, который функционирует как «способ раскрытия авторского сознания», «как чётко очерченная фигура или жизненная роль, как лицо, наделённое определённой индивидуальной судьбой, психологической отчётливостью внутреннего мира, а подчас и чертами пластического облика»⁷.

В современной духовной поэзии можно выделить три основных типа лирического «я»: 1) «я» в себе; 2) «я» во внешнем мире; 3) юродивый герой. Герой «“я” в себе» воспринимает окружающий его мир сквозь призму микрокосма. Эта поэзия герметична по своему мистическому переживанию. Концепция «я» напрямую соприкасается с концепцией Бога: «я» героя и бытие Бога взаимообусловлены. В таком мире стираются обыденные человеческие качества. Так, все земные категории редуцируются в мире Миркиной практически до нуля. Только попечение о душе, об утолении своей тоски и жажды Бога становится интересом жизни героини. Герой Вениамина Блаженного предельно физиологичен и человечен одновременно. Его гуманизм можно назвать вселенской печалью о незащитных и увечных, о братьях меньших. Стихотворения, в которых мир помещается и познаётся через «я» героя, предельно просты, в них слышен только внутренний голос автора, мир детерминирован сознанием поэта.

Герои «“я” во внешнем мире», как правило, более социальны, каждый неотделим от окружающего. Поэтам этой группы свойственна детализация, стремление через

⁶ Аверинцев С.С. Стихи духовные. – Киев, 2001. – С. 101

⁷ Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М., 1987. – С. 185

быт запечатлеть убегающее мгновенье. В диссертации говорится о мистическом реализме, характерном для духовной литературы и позволяющем контаминировать два взгляда на вещи: одновременно видеть явления в двух пространствах. В лирике О. Николаевой, Ю. Кублановского, о. Романа, А. Солодовникова принципиально важно Божественное предопределение жизни и всего творения. Реальность раскрывает состояние героя, акцентирует его мысли, чувства, действия; бытовой, географический, социальный фон вносит в стихотворения пульсацию и колорит времени. К группе «я в себе» преимущественно можно отнести лирику З. Миркиной, Вениамина Блаженного, О. Седаковой, С. Аверинцева, к «я» во внешнем мире) – Ю. Кублановского, о. Романа, О. Николаевой, А. Солодовникова.

Кроме двух типов «я» в духовной поэзии 1970-1980-х гг. заметен интерес к герою-юродивому. Он важен не только для Вениамина Блаженного, но и для Кублановского, Николаевой, Аверинцева, о. Романа. Неслучайным становится выбор Вениамином Айзенштадтом своего псевдонима. Для него это второе имя становится больше чем просто имя, оно становится его судьбой. Вениамин Блаженный срastaется со своим псевдонимом и проживает иную жизнь. Осознавая свою особую юродскую миссию, поэт и героя своего наделяет качествами юрода бунтаря и обличителя, шута и скомороха одновременно. Отсюда и богоборчество Блаженного, его выяснения отношений с Богом и мнимое развенчание. При этом, однако, отношения блаженного героя к Богу можно назвать «покровительственными», любовными. Потребность в богообщении проявляется на интуитивном уровне, на котором недопустима метафизическая пустота неба. Среди множества масок, которые надевает герой, с ним навсегда срastaются сущность блаженного, не боящегося жить по правде, и скомороха, разбивающего обывательскую действительность. Эта антиномия – причина внутреннего разлада и неспособности успокоиться. Юродство – один из сквозных мотивов в лирике Кублановского. В юродах его привлекает их принципиальная независимость от официальной власти, безразличие к внешней материальной привязанности и внутренняя свобода. Юродивые для него символизируют Родину. Россия кажется такой же убогой и потерянной. Отличительные черты юродивых героев – детскость, сиротство и счастье какого-то первобытного понимания мира. Иеромонах Роман признает в юродстве не столько девиантность, сколько святость и жертвенность: «Пробил мой час. Пора приспела. / Пойду, забыв

отца и мать, / Своё нутро рубашкой белой / В воде юродства полоскать. // Пойду в
подряснике потёртом, / Скуфью надвинув до бровей, / По бездорожью и потёмкам
/ Прельщенной Родины мосей»⁸.

В целом же в современной духовной поэзии лирический герой оказывается перед
выбором жизненной позиции конформизма или нонконформизма. Вся современная
духовная поэзия – поэзия предельной человечности: микрокосмос человека подни-
мается на один уровень с космосом Бога.

Содержание третьей главы «Основные темы, мотивы и образы современной
духовной поэзии» составляет анализ тематического своеобразия духовной поэзии и
поиск объединяющих тенденций. Глава состоит из пяти параграфов: «Тема жизни
и смерти»; «Тема странствия»; «Тема истории»; «Тема поэта и поэзии»; «Основ-
ные образы».

В духовной поэзии намечаются несколько тем, которые прослеживаются в творче-
стве всех поэтов. Одна из них – «Тема жизни и смерти». Разные поэты не склонны
видеть в смерти завершение бытия, разрешение его коллизий. Этот взгляд прин-
ципиально внеположен распространённому в XVIII и XIX веках религиозному и
философскому агностицизму. Духовная поэзия противостит и наметившейся в
конце 1980-х гг. эсхатологической «теплохладности», профанации понятий и деса-
крализации. Художественные миры большинства поэтов находятся на перепутье
бытия и небытия (это вообще особенная черта лирики, шире – искусства XX в.).
Так, у Вениамина Блаженного практически любая тема имеет множество метафи-
зических вариаций, которые движутся в сторону темы конца. Жизнь в мире поэта
хранит отблеск трагического слома бытия и борьбы со смертью; жизнь и смерть –
амбивалентные явления, чёткая граница между умершими и живыми стирается
(«Пока я жив, никто не умирал. / Умершие живут со мною рядом»⁹). Схоже с Ве-
ниамином Блаженным восприятие жизни З. Миркиной. Жизнь и смерть – явления
одного порядка, родственные по смыслу, если соединены в целое в Боге и Духе. В
стихах Миркиной варьируются определения жизни как перехода от смерти в
жизнь, смерти как перехода к иной жизни. Со смертью жизнь не прекращается, а
становится по-настоящему полной; смерть – это продолжение пути. «Прораста-
ние» можно выделить как одну из основных категорий философии Миркиной. Её

⁸ Роман (пер.). Внимая Божьему велению. Стихи. – Минск, 2000. – С. 38

⁹ Вениамин Блаженный. Стихотворения. – М., 1998. – С. 16

художественный мир пронизывает некое вещество, творящая материя, которая обожествляет все сущее на земле. Человеческое сердце прорастает телесную оболочку подобно ростку, точно так же Бог прорастает в человеческой душе. Творчество Аверинцева (духовные стихи, проповеди, исследовательские работы) пронизано ощущением невидимой жизни. Сквозным становится погребальный мотив и соответствующие службы и молитвы у о. Романа. Память смертная пронизывает всю его лирику и жизнь. Интересы Николаевой, Кублановского связаны с землёй, земной жизнью, одухотворённой непрерывным поиском Истины. По стихотворениям Кублановского вообще можно воспроизвести колорит эпохи 1970-х гг.

Характерным становится мотив сна, который обретает особую (иную, нежели в барочной литературе) трактовку. В лирике Миркиной определение «жизнь – сон» имеет не метафорическое, а почти что прямое значение. При таком понимании не только жизнь воспринимается как сон, но и сон становится жизнью, проводником в иную реальность. В лирике Николаевой и Кублановского также прослеживается этот мотив. В стихах Кублановского явь иногда путается с вымыслом. Бегство от действительности представляется порой необходимым в мире, где «мужикам нельзя не пить, а бабам не ворочать шпаль»¹⁰. В лирике Миркиной сон – это жизнь и преддверие жизни, у Кублановского сон – одно из немногих пристанищ: давящая действительность разрешается в лирике поэта своеобразным двоемирием, в котором сосуществуют зеркальные жизни – реальности и сна. Мотив ухода в сон от реальности, выбор бездействия, когда невозможно действовать, часто встречается и в поэзии XIX в.

Тема природы также представлена в границах оппозиции «жизнь-смерть». Природа стремится к иконичности, соотносится с сакральными явлениями (в духовной поэзии прослеживаются мотивы, характерные для метафизической лирики XIX в., Тютчева, Фета): «Сижу под липою густой / И ввысь гляжу в шатёр святой, / Где евхаристия свершается, / Где зримо в каждый лист живой / По сети жилок развитой / Дыханье Духа растекается...»¹¹. Тема природы значима также в лирике Миркиной, о. Романа, Седаковой.

Таким образом, в антиномии «жизнь земная – жизнь небесная» поэты «духовного кружения» приоритет отдают второй, а поэты «церковной ограды» – первой. Тем

¹⁰ Кублановский Ю.М. Число: Стихотворения. – М., 1994. – С. 68

¹¹ Солодовников А.А. «Я не устану славить Бога...». Избранные стихотворения. – М., 2006. – С. 199

самым тема жизни и смерти приобретает в творчестве некоторых поэтов преимущественно направленность на жизнь, у других – на смерть, которая есть мистический переход и продолжение пути. В духовной поэзии важна мысль, что связь между двумя мирами не прерывается.

Второй параграф *«Мотив странствия»* состоит из двух пунктов. Первый пункт второго параграфа *«Категория пространства и времени в современной духовной поэзии»* рассматривает вопрос особенностей преломления этих категорий в духовной лирике.

Пространство разделяется на реальное (земное), имеющее «географические» характеристики, хотя порой и предстающее в некоем мифическом гротескном образе (Кублановский, о. Роман, Солодовников), и «герметическое», в котором творческим началом являются сознание и воля поэта. В таком пространстве первично сознание автора, конструирующее мир и его границы. Герметическое пространство характерно для стихов Миркиной, Вениамина Блаженного, Седаковой, к нему близки Аверинцев, Николаева. Категория «пространство» довольно широка и включает в себя и собственно пространство (простор), и личное внутреннее пространство, и географическую конкретность. В духовной поэзии соединяются субъективное и объективное восприятие окружающего мира. Сердце человека становится мерилем всего: «Ровно столько пространства отмеряно нам, / Сколько сердце способно вместить»¹². Антитеза простора и смерти приобретает онтологическое звучание: там, где есть пространство, простор, нет места мгновению: смерть – это ограниченность, простор – жизнь, через стирание границ в жизнь входит вечность.

Понятие пространства – одно из основных в стихах Миркиной, Вениамина Блаженного, Седаковой; у последней оно проявляется и как пространство культуры. В их лирике вселенная существует по законам героя-демиурга. Она похожа на мир в момент творения, ещё не определившийся в своих границах. Пересечение герметического и реального пространства характеризует лирику Николаевой. Героиня, окружающее и волнующие её проблемы реалистичны, узнаваемы. В то же время мир в её стихах обретает очертания идеального, неземного пространства, аналогичного душе героини. Другое отношение к пространству в творчестве Кублановского, о. Романа: пространство – данная в ощущениях реальность этого мира. Однако

---

¹² Миркина З.А. Нескончаемая встреча: Стихи и поэмы. – М., 2003. – С. 86

пейзажная лирика как таковая не входит в художественный мир о. Романа, каждый пейзаж несёт в себе экзистенциальную составляющую. Пространство внутреннее в лирике этого поэта находится в пропорциональных отношениях с реальным пространством. И то, и другое должно очищаться, стремиться к просвещению, одухотворению, поэтому каждая пейзажная зарисовка накладывается на внутреннее состояние героя и вписывается в Божественное пространство.

География у Кублановского предельно подробно: вся Россия, эпоха (с их определённым временем) отражаются в стихах. В его поэзии выделяются несколько тематических «географических» циклов: московский, петроградский, «северный», волжский, крымский, европейский. Каждый цикл – так или иначе – связан с определённым этапом в жизни поэта. В литературе конца 1970 – начала 1980-х гг. часто встречается образ бездушного города-фантома, противостоящий природному существованию (особенно ярко эти мотивы проявились в творчестве А. Кима). В лирике О. Николаевой 1980-х гг. появляется город-оборотень, властвующий над людскими судьбами. Образ города у Кублановского поглощает поэтическое пространство: особо памяты для героя Москва и Петроград. Кроме того у него можно встретить множество упоминаний городов провинциальной России, значимых в жизни героя.

В духовной поэзии время, как и пространство, претерпевает трансформацию. Оно разделяется на земное (социальное) и духовное (мистическое). Социальное время – коллективное время, которое выпадает на долю каждого человека. Это время значимо в лирике Ю. Кублановского, о. Романа, поэтов 1990-х гг. Их поэзия непосредственно захватывает изменения, происходящие в стране. Часто такие стихи граничат с публицистической или «гражданской» поэзией, которая была столь актуальна во второй половине XIX в. (Н. Некрасов, С. Надсон, И. Суриков, И. Никитин и др.). Мистическое время – это Божественное время, которое подчиняется неведомым законам. К нему стремится человек. Попасть в него можно, только выпав из суеты земного социального времени, погружаясь в свою душу. В мистическом времени совмещаются личное время человека, реальность, история. Всё это непосредственно влияет на тему странствия, анализу которой посвящён второй пункт второго параграфа *«Тема странствия, путешествия, паломничества»*.

Мотив путешествия – один из древнейших в мировом искусстве. Тема странничества нашла отражение в духовной поэзии, в которой по характеру перемещения в

пространстве можно выделить три типа: собственно странничество; путешествие; паломничество. Все эти типы представлены в современной лирике, но не каждый поэт включает в своё творчество все категории. Тип странничества соотносится с мировоззрением поэта. Так, лирике Вениамина Блаженного свойственно странничество, а Николаевой – путешествие. Все типы объединяет мотив отрыва от земли и стремление к Небесной родине.

В странничестве выделяются два типа: собственно странничество по земле и странничество в глубины души (такое странствие – особенность лирики Миркиной, о. Романа, Солодовникова), в котором оно сближается с мотивом метаноии, столь распространённым в средневековой литературе и литературе начала (Волошин, Белый) и конца XX в. Именно как бродяга и скиталец предстаёт герой Вениамина Блаженного. Для него важно не потерять то состояние нищеты, которым «наградило» его мнение людей: «Как мне дорог бродяга, пропахший смиреньем и псиной, / Он сроднился со мною, с ухаба бредя на ухаб»¹³. Путь странника в лирике О. Николаевой – не стезя изгоя, гонимого и презираемого, не путь ухода от социума, как для героя Блаженного, но бегство от себя, своего «я».

Тип странствия «путешествие» близок не всем духовным поэтам. Цель путешествия – в познании себя и возвращении назад изменённым и очищенным в отличие от странничества, где отрешение от земных трудов наступает только со смертью. Путешествие также можно разделить на собственно путешествие (физическое) и духовное. Черта, разделяющая оба типа, крайне прозрачна, так, начавшись как желание присвоить пространство, путешествие затем сворачивает на духовный путь рефлексии. Путешествие особенно близко О. Николаевой, которая суммировала все размышления в цикле стихов «Путешественник». Героиня О. Седаковой путешествует метафизически в границах эпох, культур, книг. В поэзии Ю. Кублановского путешествие играет огромную роль. Большая часть его творчества связана с различными передвижениями в пространстве. Путешествие – основа конструкции его художественного мира, что диктует и своеобразие поэтики. Жизнь героя Кублановского проходит в движении. По стихам можно проследить способы передвижения (электрички, поезда, метро, автобусы), маршруты, время, характер путешествия (во сне или наяву). Скитание – поиск свободы, своих корней, настоящего дома, дороги «в рассеянных поисках рая» (paradise lost).

---

¹³ Вениамин Блаженный. Стихотворения. – М., 1998. – С. 90

Паломничество – третий тип поэтического перемещения в пространстве – встречается редко. Оно характерно для лирики Кублановского. В его паломнических «заметках» не найти подробных «материальных» описаний артефактов и свидетельств пережитого, впечатления носят скорее импрессионистический характер. Странник видит небо, путешественник ходит по земле, а паломничество призвано сквозь земное смотреть на небесное. Паломник соприкасается с иным миром непосредственно, он свидетель Священной истории и её участник. Паломничество-путешествие наводит на мысли о высших закономерностях, общих для всей истории, невозможности избежать её хода. Тема странствия сближается с «*Темой истории*», о чём идёт речь в третьем параграфе третьей главы.

Духовная поэзия отрицает дискретность исторического процесса; ход истории логичен и управляется Божественным промыслом. Тема истории неразрывно связана у лирических поэтов с размышлениями об отечестве. В современной духовной поэзии можно выделить два типа отношения к истории: «небесный» и земной. Соответственно выделяются небесная и земная история. В творчестве Миркиной, Вениамина Блаженного, Седаковой, отчасти Аверинцева, Николаевой не встретить прямых размышлений о реальной земной истории, социальных концепций. Сфера их интересов преимущественно поместилась в Священной истории, вневременной. Земная, «вещественная» история привлекает Солодовникова, Кублановского, о. Романа, поэтов 1990-х гг. Поэты, посвятившие себя небесной истории, как правило, «неисторичны», с точки зрения социологов, «неактуальны». Лирика Миркиной предельно камерна, история входит в её поэзию как священная история, через библейские и евангельские имена, ставшие знаковыми (Адам и Ева, Исаак).

В лирике Ю. Кублановского при разговоре о прошлом и сопряжении его с действительностью ярко проявляется приём мифологизации. В России любая земная примета пространства, природы, духа несёт в себе историческую память и наполнена сакральным смыслом. Поэт исследует узловые события истории России (Древняя Русь, эпоха Ивана Грозного, Смутное время, время патриарха Никона и протопопа Аввакума, XVIII и XIX века, недавнее советское прошлое). Для Кублановского принципиально важно уловить реальность, поэтому так часты необычные коннотации, связывающие несовместимое, придающие вещественность неуловимым мгновениям. Историсофия Кублановского имеет мистический характер. Промыслительность истории и жизни вообще постоянно ощущал и Солодовников.

Встречаются в современной духовной поэзии и традиционные историсофские концепции «Святая Русь» и «Москва – Третий Рим» (Ю. Кублановский, о. Роман, отчасти С. Аверинцев). «Святая Русь» – своего рода кладёшь духовной культуры для Аверинцева. Проникновение в культурное пространство Древней Руси – основа «космополитизма» Аверинцева, которого называли «средиземноморским почвенником»¹⁴. Для поэтов «земной» истории важны понятие «дом» и тема России. Солдовников, на своём опыте познавший великое значение родного крова с тёплым оконным светом, пишет «Гимн дому».

В лирике Ю. Кублановского, о. Романа, частично О. Николаевой рубежа XX–XXI вв. обостряется гражданское, публицистическое начало. Для о. Романа тема современной России звучит особенно остро. Кублановский и о. Роман не боятся прослыть прямолинейными и напрямую говорят о самых наболевших проблемах. Всех поэтов при обращении к размышлениям о прошлом и настоящем объединяет понимание власти Провиденциальных сил над историей, её неслучайности и целенаправленности. Они признают также активность земной личности.

Четвёртый параграф «Тема поэта и поэзии» посвящен анализу классической темы русской литературы. Духовная поэзия сближается с классической в осознании «пророческой» миссии творца. В ней сакрализуется не только талант, но и главное дело всей жизни человека. Поэзия несёт в себе Божественную энергию; творя новый мир, поэт каждый раз нарекает ему имя, как Адам в раю. О. Николаева поэтическое творчество сравнивает с «внутренним деланием».

Антиномия ответственности художника и «безответственности» творческого процесса двупланова. Поэт отвечает за свой талант, за то, как он его расходует, в то же время этот процесс не зависит от его воли. В современной поэзии наблюдается смена адресата. В лирике XIX в. «внешний» читатель всегда учитывался, какие бы заявления ни делали авторы: дружеские послания подразумевали не только тех людей, которым они адресованы. Сейчас уместно предположить тенденцию к автокоммуникации в творчестве многих современных поэтов, так как «внешнего» читателя у них нет или он не принимается во внимание: поэзия висит в воздухе и не посылает сигналы, чтобы получить ответ. Такая автокоммуникация проявляется и в отдельном стихотворении (микроуровень) и в поэтическом сообществе (макро-

---

¹⁴ Аннинский Л. Средиземноморский почвенник // In memoriam: Сергей Аверинцев. – М., 2004. – С. 129

уровень). В духовной поэзии появляются размышления об абоненте. Реальность наталкивает на мысль, что теперь никто ниоткуда не ждёт ответа. Неслучаен образ «блуждающего зуммера» у Кублановского.

В духовной поэзии поднимается также проблема неадекватной интерпретации поэтического текста и вопрос о границах интерпретации. Если раньше Жуковского волновала проблема невыразимого в искусстве, если Тютчев переживал неизреченность поэтической мысли, неравенство между прочувствованным и его словесным аналогом, то в настоящее время возникает вопрос о понимании сказанного, об ответственности интерпретатора не меньшей, чем художника, так как в любой интерпретации присутствует момент произвола, искажения.

Духовная поэзия традиционна в понимании призвания поэта: он должен быть совестью народа, высоким духовным образцом. Так, например, для Вениамина Блаженного поэт – своего рода катализатор, сквозь который проходят катастрофы, и который своими стихами и жизнью создаёт барьер-фильтр для их проникновения в сердца людей. В целом утрата пророческих функций не отразилась на главной теме духовной поэзии (разговор о Боге и разговор с Богом). Для всей духовной лирики первенство поэзии и творческое самоумаление становятся поэтическим кредо. Поэтому тема «*Exegi monumentum*» невозможна, так как путь искания славы и размышлений о своей значимости уводит от сущностного в жизни.

В пятом параграфе «*Основные образы*» анализируются образы, прослеживающиеся в творчестве разных поэтов, особенность их преломления в духовной поэзии. Чаще всего онтологически-мировоззренческие образы – абстрактные понятия, относящиеся к этико-эстетической и аксиологической сферам. Такими субстанциональными понятиями оказываются явления света, зерна, тишины, креста, красоты, духа. В большинстве случаев поэты избегают концентрации религиозно-онтологической лексики и вносят сакральную семантику в обыденные явления. Так, чисто физическое явление «свет» граничит с библейской, святоотеческой, литургической традициями. Именно это явление значимо в стихах практически всех духовных поэтов. Категория света – визуальная доминанта в лирике Миркиной, о. Романа, Кублановского. Литургическую традицию Всенощного бдения (великое славословие «Слава Тебе, показавшему нам свет») поэтически отражает О. Николаева в своём «Гимне свету». В лирике о. Романа важен свет физический

(ночной, звёздный) и свет «мистический» (мерцание свечей, лампад). В стихах Миркиной свет – творящая субстанция: свет, как и тишина, – одна из стихий, соучаствующих в творении мира. Свет становится практически одной из ипостасей некоего природного божества, сквозь которое пролегает дорога героини к Богу. Она чутко улавливает малейшее изменение света: появление заката, рассвета, вечерней и утренней зари, отблеск костра, лесные лучи, сияние сосен.

Явление тишины, безмолвия изначально свойственно духовному течению. Русская культура устремлена к молчанию, в отличие от зарубежной, ориентированной на «шум», разговор. Образ тишины раскрывается в стихах З. Миркиной, о. Романа, С. Аверинцева. Отказ от вербализации и обращение к созерцанию всегда был основным способом приближения к Богу, как исихия в средневековом богословии. Без ухода из суеты, шума не только внешнего, но и внутреннего мира невозможно подняться над своей самостью. Этот мотив повторяется в духовной поэзии. Миркина определяет тишину, как «животворную», «светящуюся». Тишина помогает не только услышать Бога, но и услышать друг друга. В целом же безмолвие и тишина появляются тогда, когда нужно вернуться к себе. Только с их помощью можно обрести покой, переместиться из мгновенности в вечность. В связи с этим символично понимание роли поэта как гида и переводчика с языка молчания в творчестве Седаковой. Художник получает функции проводника между двумя мирами. Это же свойственно и Л. Миллер, которая говорит о переводе с родного на родной язык. Миркина также размышляет о небесном языке: «Ведь Бог есть то таинственное Слово, / В котором меркнут все твои слова. / Да, все слова линияют год от году, / Приблизясь к роковому рубежу; / А это Слово просит перевода / И я Его всю жизнь перевожу»¹⁵. Проблема коммуникации своеобразно актуализируется современной поэзией.

Другой частый образ – образ креста. Так, в лирике Ю. Кублановского «крест» встречается намного чаще иных понятий. Крест объединяет разные явления: Голгофский крест, крестик на шее, крест на могиле, крестное знамение, крест на церквах, крестная ноша жизни, узор крестом, крестный путь, крестик сирени. Самое ёмкое определение креста – несение своей судьбы, способ самоидентификации в мире. Образ креста значим также в лирике Аверинцева, о. Романа, Солодовникова,

---

¹⁵ Миркина З.А. Из безмолвия (Избранные стихи 2002-2004. Книга 1). – М., 2005. – С. 323

других поэтов 1990-х гг. К основному значению креста присоединяется мотив покаяния. Символика Аверинцева имеет евангельское происхождение, поэтому, кроме образа креста, большое значение в его стихах имеют евхаристические и ветхозаветные образы.

Таким образом, в современной духовной поэзии пересечение тем определяет внутреннее единство и цельность этого течения, его стержень. В классические темы жизни и смерти, истории духовная поэзия добавляет метафизическую глубину, многомерность.

В **Заключении** подведены итоги комплексного анализа духовного течения в поэзии 1970-1990-х гг., рецепции в ней классической литературы и Священного Писания. Духовная поэзия развивалась не в отрыве от литературного процесса, но в его русле. Безусловно, в данной работе изучены не все пласты современной духовной поэзии, поскольку целью исследования была постановка проблемы и выделение этой лирики в единое течение, базирующееся на сходных мировоззренческих принципах. При анализе современной духовной поэзии религиозный фактор учтён таким образом, чтобы духовные мотивы не секуляризовались от литературоведческих изысканий. В данной работе поставлен в центр синтез формы и содержания духовной поэзии.

«Духовный поэт» – прежде всего лирик, преимущественно обращённый к метафизической стороне бытия. В качестве ведущих особенностей современной духовной поэзии выделены: теоцентризм, её срединное положение между светской и духовной литературой, открытость миру культуры. Проблема современной духовной поэзии как единого течения актуальна и перспективна для современного литературоведения.

Возрождение и новаторское продолжение традиций духовной поэзии представляется важным явлением литературного процесса 1970-1990-х гг. Развитие этой области лирики в XXI в. – объект будущих исследований.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. *Котова Н. А.* «Бытийная» лирика в творчестве Олеси Николаевой // Поэтика повседневности. Фольклор. Художественная литература. Материалы междунар. науч. конф. «Пушкинские чтения – 2005». Санкт-Петербург, 6-7 июня 2005 года. – СПб.: Астерион, 2005. – С. 143-149. – 0,4 п.л.

2. *Котова Н. А.* Жития святых в современной духовной поэзии (С. Аверинцев, О. Седакова, О. Николаева) // Святоотеческие традиции в русской литературе: Сб. материалов научной конференции. – Омск: «Вариант-Омск», 2005. – Ч. I. – С. 134-137. – 0,2 п.л.
3. *Котова Н. А.* К вопросу о значении понятий «война и битва» в современной духовной лирике // *Война, мир, победа* в литературе, культуре и языке. Материалы межвузовской научно-методической конференции 14-15 апреля 2005 г. – М.: МГПУ, 2006. – С. 67-72. – 0,4 п.л.
4. *Котова Н. А.* К вопросу о современной духовной поэзии // Классические и неклассические модели мира в отечественной и зарубежной литературах: материалы Международной научной конференции. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. – С. 388-393. – 0,3 п.л.
5. *Котова Н. А.* Проблемы изучения современной духовной поэзии // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: материалы Второй Междунар. науч. конф. В 2 т. Т. 2. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. – С. 307-312. – 0,3 п.л.
6. *Котова Н. А.* Образ города в лирике Ю. Кублановского // Москва и «московский текст» в русской литературе XX века. IX Виноградовские чтения: Материалы международной научной конференции. – М.: МГПУ, 2007. – С. 85-92. – 0,4 п.л.
7. *Котова Н. А.* Образ Москвы в духовной поэзии 1970-1990-х годов // Москва и «московский текст» в русской литературе XX века. X Виноградовские чтения: Материалы международной научной конференции. – М.: МГПУ, 2007. – С. 76-82. – 0,3 п.л.
8. *Котова Н. А.* Категория тишины в творчестве духовных поэтов 1970-1990-х годов // Духовные начала русского искусства и образования: Материалы VII Международной научной конференции «Духовные начала русского искусства и образования (Никитские чтения)». – Великий Новгород, 2007. – С. 367-372. – 0,3 п.л.

Статья, опубликованная в издании, рекомендованном ВАК РФ:

9. *Котова Н. А.* Духовная поэзия в современном литературном процессе // Вестник МГОУ. Сер. «Русская филология». – 2007. – № 2. – С.269-272. – 0,3 п.л.

**Заказ № 442. Объем 1 п.л. Тираж 100 экз.
Отпечатано в ООО «Петрорун».
г. Москва, ул. Палиха-2а, тел. 250-92-06
www.postator.ru**